

КНИГА ЕРЕТИКОВ

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 3

УДК 273
ББК 86.37
К53

Составление, предисловие и комментарии Д. С. Бирюкова

К53 Книга еретиков : [антология] / [сост., предисл., коммент. Д. С. Бирюкова]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 474 с. — (Серия «Пальмира — гримуар»).

ISBN 978-5-517-09539-8

Борьба с еретическими течениями занимает многие страницы истории христианской Церкви. Ожесточенные разногласия, анафематствования, гонения — трагическая, но не единственная ее сторона. В полемике с ересиархами, нередко прекрасными философами и учеными своего времени (Ориген, Евагрий Понтийский, Пелагий), Церковь искала наилучшую форму для всепримиряющей истины, уточняя собственные догматы, очищая их от всего случайного. В значительной мере именно это противостояние сформировало ее неизбывное стремление сочетать дух и букву, отразившееся в Никео-Цареградском символе веры и других достижениях Вселенских Соборов.

Антология знакомит читателя с историей еретических учений, имевших место преимущественно в Восточной Церкви (арианства, несторианства, монофизитства, богомилства), выстраивая ее на основе первоисточников — соборных установлений, посланий, фрагментов богословских трактатов. Широкий охват материала позволяет увидеть объективную картину внутрицерковных споров и проследить ход развития христианской мысли на протяжении более чем тысячи лет (с III по XIV век).

Издание адресовано теологам, религиоведам и всем, кто интересуется историей христианства.

УДК 273
ББК 86.37

© Бирюков Д. С., составление,
предисловие, комментарии, 2023
© Оформление.

ISBN 978-5-517-09539-8

АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

ЕРЕСЬ И ЕРЕТИКИ

Определить, что такое «ересь», так же сложно, как и определить, что такое «церковное предание» или что есть догмат. Ересь есть то, что противоположно преданию. На церковное предание же в его догматическом (и не только) аспекте можно указать — исходя из первичности учения о спасении в христианстве, — сказав, что это учение о том, Кто спасает (триадология и христология), кого спасает (эклесиология и антропология) и как спасает (антропология, христология). Причем нужно учитывать, что все эти подвиды «богословских наук», указанные нами в скобках, могут быть отделены друг от друга лишь условно, поскольку каждый из них подразумевает остальные, и вариации в одной области необходимо влекут изменения в другой¹. Поэтому, например, ересь пелагианства, т. е. учение о достаточности возможностей человеческой природы для спасения, казалось бы, не имеющая отношения к богословию, — не в меньшей мере ересь, чем остальные.

Христианская религия понимает спасение как обожение и преображение каждой из составляющих человеческой природы. В этом смысле устойчивое ложное мнение о том, что относится к Богу и спасению, т. е. неверное расположение ума, — это не какой-то малозначащий факт, но следствие непреображенной составляющей

¹ Примером чему служат, например, споры о нетлении человеческой природы Христа в монофизитской среде, исходящие и из определенных антропологических предпосылок.

в человеке (его ума), не поддающейся преобразению. Другой вопрос, что христианство знает множество святых, просиявших, например, аскетическими подвигами и не проявивших себя в качестве знатоков или выразителей догматических положений, однако можно сказать, что о правильной догматике в этом случае свидетельствует сама жизнь этих святых, и их ум содержит истинные догматические положения, но — в непроявленном, неформализованном виде, а если бы имела место необходимость в выражении соответствующих положений, то это выражение было бы в согласии с традицией.

Очевидно, что и у нас, в большей или меньшей мере слышавших о христианских догматах, ум не просвещен светом догматической истины в совершенной, а скорее — и в какой-либо существенной мере. Почему же мы не обязательно являемся еретиками? Великий русский церковный историк В. В. Болотов различал догмат, теологумен и частное богословское мнение; эту цепочку, характеризующую меру истинности и авторитетности представлений о Боге и спасении, можно было бы продолжить и поставить на последнем месте богословскую ошибку, а затем ересь. Согласно Болотову, догмат — это богословское утверждение, получившее соборную санкцию Церкви, его истинность является необходимой; теологумен — утверждение, разделяемое одним или множеством отцов Церкви, истинность его лишь вероятна (в зависимости от количества отцов, разделявших данное положение), однако теологумен обладает определенным авторитетом; частное богословское мнение — мнение того или иного человека, не обладающее авторитетностью, которое можно принимать к сведению¹. Надо сказать, что это различие между догматами и теологуменами весьма искусственно, поскольку догматические положения, сформулированные на Вселенских и Поместных соборах, были ответами на вызвавшие ожесточенные споры вопросы своего времени и область, так сказать, догматического предания гораздо шире, чем совокупность соборных формулировок

¹ См.: Болотов В. В. К вопросу о Filioque. СПб., 1914. С. 31–35.

и анафематствований¹⁻². Соответственно, если все же иметь в виду указанное различие Болотова, то в узком смысле еретиком является называющий себя христианином человек, отвергающий те или иные соборные положения или анафематствования, в широком же — не признающий положение (-я), составляющее необходимую часть догматического предания (как, например, гностики, которые отрицали благодать Бога-Творца); причем к последним не в меньшей мере относится именование еретиков, чем к первым.

Что же стоит за этим непризнанием? Ересь нередко определяют как выбор чего-то одного, одной линии, вместо признания существования целостной картины. Такое понимание отчасти следует уже из этимологии греческого *αἵρεσις*, от которого происходит, в частности, и соответствующее русское слово. Подобное определение ереси имеется, в частности, у о. Сергия Булгакова³, который в своей блестящей работе «Трагедия философии» рассматривает философские системы Нового времени как философские ереси. О. Сергий считает, что ересь как сужение взгляда есть следствие рационализации догмата⁴. Однако сейчас можно скорректировать позицию

¹ К сказанному имеет отношение, в частности, знаменитый пример с Никео-Царьградским Символом веры, который доныне произносится верными на Литургии, где Святой Дух не назван ни Богом, ни «единосущным» Отцу и Сыну.

² Отметим, что слишком радикальное разведение В. В. Болотовым теологумена и догмата сказывается и на его понимании *Filioque* (букв.: «и от Сына» — формула, указывающая на то, что Дух Святой исходит не только от Бога Отца, но и от Бога Сына). А именно, представляется некорректной с исторической точки зрения проводимая В. В. Болотовым в указанном сочинении мысль о том, что *Filioque* — являющееся одним из факторов, послуживших разделению Восточной и Западной Церквей, — представляет собой всего лишь теологумен (в том смысле, в каком его определял Болотов).

³ Булгаков С. Н. Трагедия философии // Он же. Сочинения в двух томах. Т. 1: Философия хозяйства. Трагедия философии. М., 1993. С. 312.

⁴ «Философская характеристика ереси в истории христианского богословия состоит именно в том, что сложное, многомотивное, антиномиче-

о. Сергия Булгакова в том смысле, что нередко в учениях, признанных еретическими, просто иной, чем у православных, характер рациональности — имея в виду наблюдения В. М. Лурье, согласно которым у православных и еретиков (в данном случае — монофизитов) имело место различие в плане понимания того, что в осмыслении Воплощения представляется парадоксальным, а что рационально обоснованным¹.

Это понимание ереси как выбора какой-то одной перспективы вместо целого приводит к тому, что ересь иногда понимается как часть

ское для разума учение упрощается, приспособляется к постижению разума, рационализируется и тем самым извращается. Все основные ереси представляют собою подобный рационализм в применении к догматам» (Там же. С. 317).

¹ «Халкидониты [т. е. христиане, принявшие Халкидонский собор, на котором было провозглашено, что Христос имеет две природы — Божественную и человеческую. — Д. Б.] всегда настаивали на том, что Бог пострадал не божественной природой, а человеческой, тогда как монофизиты, для которых во Христе была только „одна природа Бога Слова“, вынуждены были утверждать страдание божества, то есть божественной природы, которая, согласно разделявшемуся монофизитами учению, не может страдать. Монофизиты видели в страдании божественной природы такой же логический парадокс, каким является воплощение Бога и всё остальное, что происходит для спасения рода человеческого. Православные с ними не соглашались: они видели тут не логический парадокс, а простую путаницу понятий. Попробуем объяснить это современным языком. На вопрос, *чем* пострадал Сын Божий, православные отвечали — плотию, а не божеством. На вопрос же, *кто* пострадал, православные отвечали — Бог (Сын Божий). Логический парадокс заключается именно в этом: Сын Божий, Который не может страдать, страдает. Такое описание страданий Христа, выдержанное в соответствии с принципом дополнительности Нильса Бора, автоматически следует из православного понимания боговоплощения, также соответствующего принципу дополнительности. Изначальный логический парадокс заключается в факте соединения несоединимого (божества и человечества), а „феопасхизм“ [т. е. страдание Бога. — Д. Б.] — не более чем одно из частных его проявлений» (Лурье В. М. (при участии В. А. Баранова). История византийской философии. Формативный период. СПб., 2006. С. 147–148).

истины, как это имеет место у Константинопольского патриарха Афинагора (1886—1972), который понимает ереси как «истины частичные, урезанные, оказавшиеся иной раз не на месте и притязающие на то, чтобы уловить и заключить в себе неисчерпаемую тайну»¹. С этим пониманием можно поспорить, поскольку нельзя сказать, что, например, ересь арианства, согласно которой Христос является созданным, полностью иной природы, чем Отец, и «было, когда Его не было», являет собой выражение «части» истины о Христе; «частичность» в данном случае может выступать характеристикой не самой ереси в отношении к истине, но, очень часто, — расположения ума ересиарха (предводителя еретического сообщества), нередко полемизирующего против какого-либо противоположного перегиба, в случае арианства — Ария, который, настаивая на своем учении, выступал против гностического понимания порождения Сына Отцом как некоего исторжения, а также против того понимания Савеллия, согласно которому Лица Троицы суть различные проявления единого Бога (аналогично в случае с несторианством, монофизитством, пелагианством и др.). Таким образом, путаница здесь возникает из-за очевидности, согласно которой нередко предводители еретических сообществ, настаивая на своем понимании Христа, Троицы, спасения и т. п., несомненно, руководствовались благими побуждениями². Да и вообще,

¹ Клеман О. Беседы с патриархом Афинагором / Пер. с фр. В. Зеленского. Брюссель, 1993. С. 303—304.

² Об этом писал, в частности, патриарх Фотий (ок. 820—891) в 20-й амфилохии, отвечая на вопрос, почему еретиков принимают в Церковь в том же сане, в котором они пребывали в еретической церковной организации, в то время как человеку, впадшему в телесное осквернение, согласно церковным канонам, нельзя становиться священником. Ответ Фотия следующий: «...Избравшие нечестие [т. е. ересь. — Д. Б.] исходили из намерения, которое не предпочло плохое, но искало лучшего, однако, обманувшись в священной любви к высшему, они уклонились к худшему, к которому не стремились. Посему в изначальном их устремлении процветало благо, а в неуспехе можно было бы сослаться на чахлую и слабую природу. И они, отступив от худшего, видят благосклонно вззирающее на них прощение; другие же, с самого начала зная, что творимое ими дурно, но настроив на это свой ум, доставляют переходящим к благочестию великое

многие ересиархи были по-человечески очень симпатичными людьми, вели благочестивую, аскетическую жизнь и в чистоте их намерений было бы нелепо сомневаться.

Вместе с тем это понимание ереси как предпочтения одной линии вместо целой картины часто связывают с той характеристикой феномена ереси, согласно которой еретик — это тот, кто упорствует в своем ошибочном мнении перед лицом церковной традиции¹. Если обратиться к церковной истории, то мы увидим, что это справедливо лишь в ограниченной мере. Обычно, когда возникали догматические споры по тому или иному поводу, окончательное понимание Церковью спорного вопроса не было проговорено с ясностью и церковные деятели, которые вскоре начинали почитаться как православные

превосходство над собой. Ведь те [т. е. еретики. — Д. Б.] держались благого устремления, но, не желая того, были увлечены в противоположную сторону, а у этих изначально был дурной выбор, и гибель в соответствии с намерением, и первым их мнение представлялось до такой степени наилучшим, что они гордились своим учением и иной раз предпочитали смерть отречению от убеждений, а вторые настолько сознавали зло, что сами в себе стыдились своих поступков, даже если никто больше о них не ведал, и считали заветным желанием утаиться от всех. Итак, поскольку у одних цель была изначально благой (ибо они стремились к наилучшему) и перемена, происшедшая через уразумение, зиждилась на прочном основании, потому что ее утвердило истинное различие, они по большей части сохраняют крепость обращения к благочестию непоколебимой, а у других устремление было дурным с первого движения...» (*Фотий*, св. патриарх. Избранные трактаты из «Амфилохий» / Перевод, составление, статья Д. Е. Афиногенова. М., 2002. С. 62–63).

¹ Ср., например: «Если остальные грехи совершаются по слабости человеческой природы, то ересь есть результат упорства воли еретика, противопоставившего себя Богу и этим уподобившегося богопротивнику диаволу. Питательной средой для ереси становятся не случайные ошибки, допущенные по неосведомленности в догматических вопросах в силу недостаточности богословских знаний, по причине слабого умственного, духовного или культурного развития, а сознательная и устойчивая позиция еретика, занятая им в религиозной жизни и противопоставившая его жизни Церкви» (*Иванов М. С. Еретик // Православная энциклопедия. Т. 18. М., 2008. С. 608*).